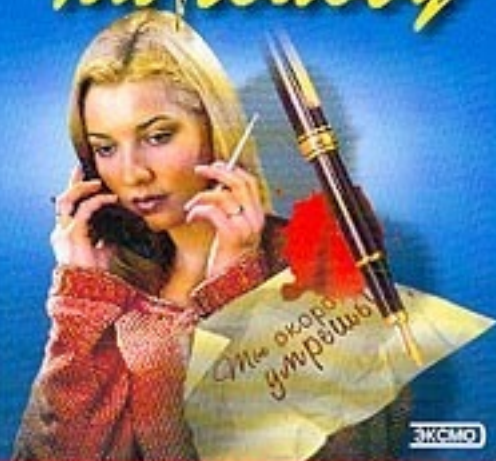

Марина
СЕРОВА

КИРПИЧ

на голову

ЭКСМО

РУССКИЙ ВЕСТСЕЛЕР

Марина С. Серова
Кирпич на голову
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167001
Кирпич на голову: Эксмо; М.: 2003
ISBN 5-699-03018-2

Аннотация

Закрыв дело богатого процветающего бизнесмена, частный детектив Татьяна Иванова узнает, что тот попал с инфарктом в больницу после получения письма, где было всего три слова: «Ты скоро умрешь...» Проникнув в его квартиру, Татьяна не находит этого анонимного послания, а вернувшись домой, поднимает трубку звонившего телефона и слышит те же три слова. Любимые советчики Татьяны – гадалочные кости – ничего утешительного не предвещают: «Вы беззащитны перед чьим-то изощренным коварством». Любой другой спасовал бы в подобной ситуации, но только не частный детектив Татьяна Иванова. Она решает не дожидаться, пока предсказание исполнится...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	22
Глава 4	33
Глава 5	45
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Марина Серова

Кирпич на голову

Глава 1

Люблю свою работу за полное отсутствие начальников. Никто не указывает мне, как я должна себя вести и чем заниматься. Никто не делает мне выговоров, не вызывает на ковер, не грозит увольнением. Никто не начисляет смехотворно крошечную зарплату и не предоставляет заслуженный отпуск в феврале.

Всем вышеперечисленным я занимаюсь самостоятельно, и, как мне кажется, весьма успешно. По крайней мере, демонстраций протеста, голодовок и забастовок не устраивала ни разу.

В данный момент я предоставила себе очередной, пятый с начала года, заслуженный отпуск. Последнее дело, несложное и прибыльное, я завершила около недели назад. Новых загадочных преступлений, достойных вмешательства частного детектива, мои сограждане пока не совершили. Значит, я имею полное право отдохнуть, если не на Багамах, то хотя бы в бассейне и тренажерном зале.

Поздняя весна радовала сердце цветущими деревьями, теплым солнышком и безоблачным ярко-синим небом. Я

шла по тротуару, насвистывая модный мотивчик, помахивая сумкой со спортивной одеждой и поглядывая по сторонам. Жизнь казалась если не сказкой, то вполне удачной выдумкой.

Предчувствие обожгло меня, словно внезапно вспыхнувший из еле тлевшей искры костер, и я даже сама не поняла, почему прыгнула вперед, притом в сторону, пригнувшись и закрывая лицо руками. В следующий момент в полуметре от меня оглушительно гроыхнуло. Поднялась туча пыли, брызнули осколки.

Я отбежала еще на несколько метров, прежде чем решила оглянуться, и не поверила своим глазам: расколов асфальт на пару извилистых трещин и разбившись на куски, на тротуаре валялся обыкновенный кирпич.

– Девушка, вы не пострадали?

Ко мне спешила толстая задыхающаяся бабуля, таща на поводке не менее упитанного пекинеса. Других свидетелей происшествия не наблюдалось.

– И как это вы успели отскочить?! – с трудом отдышавшись, заметила добрая женщина. – Я думала, насмерть зашибет. Ой! Кровь!

Я нащупала на лбу неглубокую царапину, из которой тоненьким ручейком текла кровь, достала платок и приложила к ране. Моя невозмутимость задела бабулю, и она разразилась многословной речью, суть которой состояла в том, что власти в городе окончательно распоясались, а демократы

скоро доведут страну до вымирания.

– Все улицы тонут в мусоре, он даже с крыш на голову людям падает! Вам надо жалобу написать в правительство и потребовать возмещения морального и телесного ущерба.

Я молча разглядывала улицу, близлежащие дома, редких прохожих, выныривавших из ближайшего переулка и бросающих в мою сторону беглый взгляд.

– У вас, наверное, шок, – раздраженно предположила бабушка, не дождавшись от меня ответа. – Могу вызвать «Скорую» или в травмопункт проводить.

– Спасибо, не стоит, – рассеянно улыбнулась я. – Подумаешь, кирпич на голову упал. С кем не бывает?

– Нельзя же оставить все как есть! Надо наказать виновных!

– Точно, – согласилась я. – Вы никого на крыше не заметили?

– Какой же дурак туда ползет? Там ограждений нет, а поверхность наклонная. Недолго и шею себе свернуть.

Я опять согласилась, опять поблагодарила, сердечно попрощалась и отправилась на злополучную крышу, оставив бабулю с собачкой на изуродованной мостовой ругать власти, мафию и строителей.

Любой другой человек на моем месте пожал бы плечами, махнул рукой и сказал: «Несчастный случай». Но я в случайности не верю. Если кирпичи падают, значит, это кому-то нужно. Знакомых, мечтающих увидеть мою фотографию в

черной газетной рамочке и способных на активные действия для осуществления мечты, у меня предостаточно. Другое дело, что способ выбран оригинальный. Не автоматная очередь и контрольный выстрел в затылок, а какой-то дурацкий кирпич!

В том, что на мою жизнь совершено покушение, сомнений не было. Остается выяснить, кто этот злоумышленник и как его можно обезвредить.

Чердак поразил меня чистотой и ухоженностью. Жильцы верхних квартир приспособились сушить там белье, а оно не любит грязи и пыли. Жаль! Негде было отпечататься следам преступника. На самой крыше мне также не удалось отыскать ни одной зацепки. В нескольких местах лежали кирпичи, но сдвинуть их с места и докатить до края крыши мог лишь ураганный порыв ветра или... человек.

Полчаса пришлось потратить на расспросы бабушек во дворе. Бесполезно. Никто ничего не видел, не слышал и за входящими-выходящими не следил.

Домой я шла, точнее, продвигалась короткими перебежками, зигзагами пересекая открытые пространства, замирая за деревьями и фонарями, сторонясь как пешеходов, так и автомобилей. Впечатление я, должно быть, производила неизгладимое, но, как говорится в мудрой рекламе, имидж – ничто!

Позволила себе расслабиться, лишь когда переступила порог квартиры и защелкнула сейфовый замок на стальной

двери. Заварила крепкого кофе, зажгла сигарету и задумалась.

За прошедшие годы моя жизнь не раз висела на волоске, но почти всегда я знала, откуда ждать неприятностей: в процессе расследования преступления всегда становишься мишенью для гнева, злобы и пуль. Бывало, предавали и заманивали в ловушку свои же товарищи или же наниматели, ведущие двойную игру, даже мужчины, изображавшие из себя влюбленных поклонников.

В дни, когда я занималась нелегким трудом сыщика, все чувства обострялись, организм функционировал в аварийном режиме, мгновенно реагируя на возможную опасность. В дни безделья, подобные сегодняшнему, моя бдительность притуплялась, а уязвимость пропорционально возрастала. Вот кто-то и догадался воспользоваться моей беспечностью.

Я выкинула окурок. Возможно, я страдаю паранойей, но почему-то мне кажется, что мой противник умен, умеет ждать и сильно меня ненавидит. Если я не узнаю, кто он, то умру.

Внезапно зазвонил телефон. Я вздрогнула и поежилась. Еще час назад телефонный звонок не вызвал бы у меня никаких эмоций. А теперь нервишки шалют, мерещится что-то...

– Алло.

На противоположном конце провода молчали.

– Алло! – повысила я тон. – Говорите, или кладу трубку! Раздался какой-то шорох, шип, смешок. Затем возник ти-

хий, бесцветный и бесполоый голос.

– Ты скоро умрешь... – невыразительно протянул он.

– Кто говорит? Что за глупые шутки!

Ответом были короткие гудки.

Глава 2

Я провела рукой по вспотевшему лбу. Телефон у меня с определителем номера, но номер звонившего не зафиксировался – почти наверняка звонили из уличной будки.

Полезла в сумку за платком и наткнулась на мешочек с гадальными костями. Достала их, согрела в ладонях, пристально вглядываясь в стертые от постоянного использования грани. Догадываюсь, что они могут мне сказать, о чем поведать: мы вместе уже так долго, что научились понимать друг друга. Их прогнозы, советы, предупреждения, оценки людей и отношений не раз помогали мне принять правильное решение в запутаннейших делах.

Я раскрыла ладони. Кости глухо звякнули о стол, собрались было раскатиться в разные стороны, но отчего-то передумали и замерли: $24+33+4$. «Вы окажетесь беззащитны перед чьим-то изощренным коварством».

Так я и предполагала! Нет уж, пассивной жертвы от меня не дождетесь! Для начала побарахтаемся. Лихорадочно набрала номер рабочего телефона знакомого следователя.

– Мельников? Привет, Пинкертон!

– От Пинкертона слышу.

По голосу приятеля чувствовалось, что я попала не вовремя. Скорее всего, начальство лютует, требует повысить раскрываемость.

– Не грусти. У меня всего один вопрос.

– Знаем мы ваши вопросы, – проворчал Андрей. – Кто убил Кеннеди да где золото партии...

Шутит, значит, трубку не бросит, поможет.

– Кто-нибудь из тех, кого я посадила за решетку, вышел на свободу? Скажем, за последние две-три недели.

Мельников хмыкнул.

– Понятия не имею. Но могу узнать. Что это ты забеспокоилась? Кирпич на голову упал?

– Какая пронциательность! – сердито буркнула я. – Перезвоню через полчаса.

Полчаса я пыталась составить список лиц, которые попали в тюрьму благодаря моей правоохранительной деятельности. Плюс список их родственников и друзей – кого удалось вспомнить. Чем больше имен и фамилий появлялось на бумаге, тем сильнее крепла во мне уверенность, что я попусту трачу время.

Перезвонивший вскоре Мельников ничего утешительного не сообщил.

– Все сидят там, куда посажены, – сострил он. – Может, объяснишь, какие у тебя проблемы?

– Если у тебя есть проблемы, следовательно, ты еще жив! – отшутилась я. – Появятся новости – звони.

Вторым, к кому я обратилась, был старый уголовник, вор в законе, носивший краткую кличку Крюк. На мой звонок он отреагировал так же, как и следователь, – безрадостно.

– Иванова! – прохрипело в трубке. – Опять ты! Дай хоть помереть спокойно!

– И не надейтесь, Иван Дмитриевич. Придется помучиться.

– Говори, – оборвал он меня.

Я начала издалека.

– Вы человек в уголовной среде известный и уважаемый. Так или иначе, вы всегда в курсе криминальной жизни нашего города, всех крупных преступлений, бывших и будущих, только обдумываемых...

– Ну? – польщенно кашлянул старый вор.

– Меня кто-нибудь хочет убить? – перешла я к сути вопроса.

Крюк молчал. Я его не торопила.

– Хотят-то многие, да руки короткие.

– А поконкретнее?

– Ничего конкретного нет, – твердо ответил Крюк. – Среди нашей братии можешь не искать, покушений на тебя никто не готовит. Языком чесать многие горазды, крови ты народу изрядно попортила, но брехать – не ножом махать.

– Спасибо, успокоил, – вздохнула я.

– Тебе охрана не нужна? Могу устроить.

– Не надо, сама разберусь.

Не люблю быть кому-то обязанной, тем более матерому уголовнику, который, дай только возможность, никогда ее не упустит, чтобы использовать меня в своих интересах.

Я сидела, невидящим взглядом уставившись в окно. Коварный враг притаился где-то рядом, следит за мной, готовит новые кирпичи... Мне стало смешно. Представила злоумышленника в черном плаще и чулке, надетом на голову, крадущегося по крыше с огромным рюкзаком, набитым кирпичами.

Мой коварный враг не профессиональный убийца и преступник. Это радует. Но он наверняка связан с каким-то делом, которое я расследовала. Вне работы я человек мирный, добрый и неконфликтный. Недоброжелателей среди соседей или друзей не имею.

Неделю назад я успешно завершила дело Александра Самуиловича Гольдберга, старого хитрющего еврея, имеющего процветающий аптечный бизнес. Помню нашу первую встречу: Александр Самуилович, смертельно напуганный, ни секунды не мог пробыть на одном месте, дергался, трясся, вздрагивал и заикался – мы прогуливались тогда по тенистым аллеям городского парка среди многочисленных мам и бабушек с чадами, вопящими в колясках.

Подслушать нашу беседу было практически невозможно, но мой перепуганный клиент каждое свое слово произносил свистящим шепотом прямо мне в ухо, для чего из-за значительной разницы в росте ему приходилось подпрыгивать, а мне приседать. В результате мы привлекали к себе больше внимания, чем прочие прогуливающиеся.

– Меня хотят убить! – в который раз ужасался старичок.

– Ничего страшного, – в который раз терпеливо отвечала я. – Припомните какие-нибудь факты.

– Во-первых, я нутром чую опасность, – достигла меня очередная волна шепота. – А во-вторых, в моей гибели заинтересовано очень много людей.

– Мне нужны факты!

– Тише! Нас могут подслушать.

Таким образом мы общались около двух часов, и мне удалось раздобыть следующие сведения: в пузырьках с сердечным лекарством, которое мой клиент глотал горстями, и снотворным поменяли этикетки; в растворимый кофе подсыпали какой-то белый порошок; в ванну запустили огромного страшного паука, чуть не спровоцировав у моего клиента инфаркт. Кроме того, Александр Самуилович привел еще с десятков различных подозрительных, с его точки зрения, эпизодов и событий.

Я устало покачала головой. Нарисованная картина свидетельствовала скорее о параноидальном складе характера клиента, нежели о реальной угрозе.

– Теперь расскажите мне о тех, кому выгодна ваша смерть, – прервала я бесконечный перечень «фактов».

Старик задрожал и втянул голову в плечи.

– О! Я окружен врагами!

Через час, исключительно благодаря моему терпению и упрямству, список врагов Александра Самуиловича увидел свет. Пункт первый: молодая красавица-жена Виолетта. Она

работала в филиале главной аптеки продавщицей, в пятый раз пыталась поступить в медицинский институт или хотя бы в училище, но проваливалась в силу врожденной тупости и лени. С помощью Гольдберга ей удалось попасть на лечебный факультет меда, но проучилась она недолго: обнаружив, что надо хоть изредка читать учебники и посещать лекции, решила стать домохозяйкой. После свадьбы с престарелым бизнесменом девушка днями пропадала по салонам красоты и подругам, предоставив заботу о быте приходящим уборщицам и кухаркам.

Пункт второй: дети, коих у Александра Самуиловича было аж трое. Сын и дочь от первого брака и незаконнорожденный мальчик – плод первой любви. Мальчику было уже под тридцать, звали его Львом, и он имел свой собственный бизнес в оптовой торговле. Гольдберг давным-давно официально признал Льва, познакомил со своей семьей и всячески помогал.

Законные дети, Петр и Анна, по стопам отца не пошли. Сын преподавал в сельскохозяйственной академии и частенько занимал деньги до получки, так как содержать семью на зарплату ассистента кафедры было весьма затруднительно. А семья его стремительно увеличивалась: год назад у Александра Самуиловича появился второй внук. Старик с радостью помогал, но не оставлял надежды, что когда-нибудь Петр бросит науку и продолжит его аптечное дело.

Анна училась в консерватории и мужа нашла себе там же.

Детей у них пока не было, как, впрочем, финансов и перспектив на будущее.

Пункт третий: первая жена Александра Самуиловича, Мария Сергеевна. Расстались они почти двадцать лет назад, но продолжали люто друг друга ненавидеть по множеству непонятных постороннему причин. Из-за общих детей приходилось довольно часто встречаться, причем каждая встреча заканчивалась ссорой, руганью и взаимными обидами. Мой клиент считал, что Мария Сергеевна может пытаться убить его исключительно из вредности и злобы, ведь в материальном плане от смерти бывшего мужа она ничего не выигрывала.

Кроме того, я выяснила, что в промежутке между Марией и Виолеттой Гольдберг был женат на некой Дине Пушиной. «Ей были нужны лишь мои деньги!» – жаловался Александр Самуилович. Детей нажить они не успели и довольно мирно расстались лет десять назад. Ее мой клиент не подозревал, но чем черт не шутит! Я взяла Пушину на заметку.

Опасения Гольдберга показались мне не лишёнными основания, и я пожелала познакомиться со всеми участниками драмы лично, чем вызвала резко отрицательную реакцию нанимателя.

– Ни за что! – истерически вскричал он. – Узнав про частного детектива, они могут подумать бог знает что! Решат, я им не доверяю! Обидятся! Расстроятся! Отвернутся от меня! Вы хотите разрушить мир и спокойствие среди моих

близких? Нет! Только не это!

– Не волнуйтесь так. – Я соображала, как можно по-другому подступиться к ближайшему окружению клиента. – Представьте меня своей знакомой, партнером по бизнесу...

– Они подумают, вы – моя любовница!

– Хорошо. Тогда предположим, я – ваша дальняя родственница, приехавшая погостить из какой-нибудь глубинки.

Александр Самуилович почесал свою блестящую лысину.

– Неплохо... Но мне пришла в голову идея получше. Ведь ваше отчество Александровна?

– Да, – подтвердила я.

– Тогда почему бы мне не представить вас моей внебрачной дочерью, которую я долго искал и наконец обрел?

Я рассмеялась.

– По-моему, как раз эта новость наверняка разрушит мир и спокойствие среди ваших родственников.

– Они уже привыкли к моим выходкам. Когда я знакомил их слевой, проблем не возникло.

– Но мы с вами совсем не похожи!

Гольдберг пожал плечами.

– Неужели вы предполагаете, что у моей доченьки Анечки имеется моя лысина, борода, живот и куча морщин? Ваши светлые волосы отнесем к достижениям химической промышленности.

– Я – натуральная блондинка! – притворно возмутилась

я, но идея хитроумного старика мне понравилась.

– Если других возражений нет, предлагаю подробнее обсудить легенду, дабы не проколоться на мелочах.

Мы придумали историю моего зачатия во время одной из командировок Гольдберга в районные центры. Моя мать якобы сообщила ему о моем рождении много лет спустя, когда я приехала в Тарасов поступать в институт. Мы изредка встречались, но я негативно относилась как к самому Александру Самуиловичу, так и к его предложениям познакомить меня с семьей. Постепенно я сменила гнев на милость и согласилась повстречаться со сводными братьями и сестрой.

– Великолепно! – подытожил «папочка». – У меня с души камень упадет, если вы одобрите еще одно мое маленькое предложение.

Я насторожилась.

– Смотря какое. И говорите мне «ты».

– Чудесно! – Гольдберг, начавший было говорить нормальным голосом, опять перешел на шепот. – Я объявлю своим родственничкам, что сделал тебя единственной наследницей.

– Зачем? – ошарашенно пробормотала я.

– Естественно, для того, чтобы обезопасить свою жизнь. Они перестанут на меня покушаться, как только поймут, что денежки уплыли от них в чужие руки. И наоборот, будут стараться завоевать мое расположение, пока я жив и здоров, – авось перепишу завещание в их пользу.

– Не пойму, к чему весь этот сыр-бор? Завещайте свое состояние какому-нибудь фонду защиты животных и живите припеваючи, не дрожа за свою безопасность.

– Никогда! – возмущенно прошипел Александр Самуилович. – Я люблю мою жену и всех моих детей! После моей смерти мои сбережения будут разделены между ними по закону и по справедливости. Единственное, что я хочу, так это пожить несколько лет, окруженный любовью и заботой, и скончаться в собственной постели от физиологических причин.

Мне пришлось согласиться на его условия.

В следующие дни я познакомилась со всеми членами семьи. Мое появление они восприняли если не радостно, то уж, во всяком случае, с философским спокойствием. К известию о написании завещания на мое имя отнеслись так, как и предсказывал Гольдберг: удвоили усилия для возвращения отцовского расположения. Какие-либо «покушения», со слов моего клиента, прекратились.

Разгадать загадку оказалось проще простого. Поговорила с проходящей прислугой, составила примерный график посещений квартиры Гольдберга, выяснила алиби подозреваемых во время самых серьезных и опасных происшествий.

Через пару дней я абсолютно точно знала, кто замыслил убийство. Все нити вели к молодой красавице-жене Виолетте. У нее были и время, и мотивы, и возможности для осуществления своего замысла. Дабы доказать ее виновность, я

разыграла целый спектакль. Единственный зритель – Александр Самуилович – прятался за портьерами.

Довольно легко я вызвала циничную девицу на откровенный разговор, пообещав поделиться завещанным мне наследством, если она поможет ускорить кончину старика.

– Этим я и занималась, пока ты не свалилась как снег на голову, – ухмыльнулась Виолетта. – Слегка травила, провоцировала сердечный приступ и прочее.

– Тебе пришлось бы поделиться деньгами с его детьми, – заметила я. – Или они были в курсе происходящего?

– Нет, я действовала на свой страх и риск, – горделиво похвасталась беспощадная женушка. – Теперь прикончить Сашеньку сам бог велел: я получу не кусочек, а половину его состояния!

В этот момент Сашенька покинул свое убежище и, меча громы и молнии, тотчас выгнал Виолетту из дома и из собственной жизни.

Когда я получала вознаграждение за услуги, Александр Самуилович достал еще один конверт и положил его поверх первого.

– В нем тысяча баксов. Исполнишь мою последнюю просьбу – и он твой.

– Если она столь же разумна, как и предыдущие...

– Татьяна Александровна! – Подчеркивая торжественность момента, Гольдберг опять перешел на «вы». – Прошу вас, что бы ни случилось, с кем бы вы ни встретились, не от-

крывать нашу тайну! Оставайтесь моей дочерью еще на месяц. За это время я успею развестись с Виолеттой и разобраться с другими вопросами.

Я подумала и забрала оба конверта. Не этот ли поступок причина моих нынешних бед? Возможно, меня пытаются убрать как наследницу богатств Гольдберга?

В мои мысли требовательно вмешался телефонный звонок.

Глава 3

Трубку брать не хотелось – скорее всего, снова маньяк баблется. С другой стороны, не брать ее – трусость. Я тихонько выругалась и подошла к телефонному аппарату.

– Алло!

Тишина.

– Безобразие! Вы меня не...

– Таня? Прости, не сразу узнал твой голос. Это Роман.

Я почувствовала, как краска заливает лицо. С Ромой Зайдиным я познакомилась во время недавнего расследования. Он был адвокатом Гольдберга и, несмотря на молодость, пользовался его огромным уважением. Мы понравились друг другу с первого взгляда и встречались почти каждый вечер, ужинали в маленьких уютных ресторанчиках, гуляли по улицам – с ним было легко. Я представляла, какой неожиданностью будет через месяц для Ромы мое признание, что я не дочь Гольдберга. Хотя, возможно, он уже обо всем догадался. Пару раз я случайно упоминала, чем занимаюсь в свободное от отдыха время.

– Алло! Таня! Ты меня слышишь?

– Слышу, – тихо выдохнула я, припоминая, как вопила в трубку минуту назад.

– Тебе никто из родственников не звонил?

– Нет.

– Тогда я первый сообщу тебе эту ужасную новость...

Сердце сжалось от дурного предчувствия.

– Что-то с... папой?

– Да. Ты, главное, не волнуйся! Он сильный, он выкарабкается.

– Рома, не тяни, что с ним случилось?

Неужели убийцы добрались до старика Гольдберга?!

– Он в первой клинической больнице, в реанимации кардиологического отделения. Обширный инфаркт миокарда.

– Но он жив?

– Да, хотя состояние очень тяжелое. Постоянно теряет сознание.

– Кто его обнаружил?

– Я. Заехал уточнить кое-какие вопросы, а он не открывает, хотя должен был ждать. Вызвал домоуправа, слесаря, и они открыли дверь. Александр Самуилович лежал ничком на ковре в своем кабинете. Я вызвал «Скорую» и отвез его в больницу.

– Он хотел меня видеть?

– Он двух слов связно сказать не может, но тебе, само собой, надо к нему съездить, поведать.

Крохотная проблемка, микроскопическая: из дома выходить не хочется. Там, вне родных стен, кирпичи на голову падают. Роман истолковал мое молчание по-своему.

– Я знаю, вы с ним не в ладах были, но сейчас не тот случай, чтобы помнить о разногласиях.

– А ты приедешь в больницу? – с надеждой спросила я.

– Я уже там сегодня был. Солнышко, я бы с радостью подержал тебя в такой тяжелый момент, но дел выше крыши. Давай, как договаривались, я подъеду к тебе часиков в семь. Успеешь вернуться?

Вот так всегда, расстроено думала я, одеваясь. Когда мужчина нужен, у него находится масса причин для отсутствия. К семи часам от меня может остаться расплющенная кирпичами лепешка. Любопытно, если бы я сказала Роману о покушении на меня, он бы приехал?

Вооружилась я по полной программе, расставив различные ранящие и калечащие предметы по одежде, обуви и сумке. Попробуй тронь! Слабонервным не советую.

В подъезде и во дворе обошлось без сюрпризов. Прежде чем сесть в машину, я ее тщательно обследовала на наличие взрывчатых веществ. Таковых не нашлось, видно, возможности моих врагов ограничены строительным мусором.

Больница располагалась на окраине города, в окружении роскошного разросшегося парка. На территорию проезжать не разрешалось, поэтому «девятку» пришлось бросить на стоянке возле центрального входа. Солнце клонилось к горизонту, от деревьев падали причудливые тени, и за каждым стволом мне мерещились злодеи. Надо постараться вернуться до того, как стемнеет.

Но этому намерению не суждено было осуществиться. С первой минуты пребывания в больнице на моем пути стали

возникать препятствия. Во-первых, приемные часы закончились, и мне стоило большого труда убедить охранников впустить меня внутрь, а затем – с еще большим трудом – избежать обыска. Представляю, как обрадовалась бы охрана, мечтающая захватить какого-нибудь чеченского террориста, обнаружив в моей сумке и в карманах целый арсенал!

Следующим препятствием стали злобные нянечки, поймавшие меня на отсутствии халата и сменной обуви. Жалобная история об умирающем отце, пожелавшем попроситься с блудной дочерью, отыскала лазейки в их закаленных сердцах. Мне под честное слово были выданы рваные калоши и дырявый халат пятьдесят шестого размера, скорее бурого, чем белого цвета. Под таким одеянием можно танк спрятать, а не только пистолет или шприц с ядом. Александру Самуиловичу грозит нешуточная опасность, если кто-то соберется ускорить его переход с этого света на тот.

Последнее препятствие – медсестру реанимации кардиологического отделения – с ходу преодолеть не удалось. Я наткнулась на нее почти у самых дверей палаты, где ныне обитал Гольдберг.

– Куда? Куда?! – раз от раза громче закудаhtала медсестра, надвигаясь на меня всей своей внушительной массой. Ей бы мой халатик пришелся впору.

Я заученно бормотала сказку про папу и дочку, но она даже вида не сделала, что слушает.

– А ну быстро отсюда!

Пятясь назад, я ловко увернулась от лап бабищи, пытавшихся схватить меня за шкуру.

– Имею право!..

– Ты мне тут повыступай! Пигалица драная!

– Да как вы смеете!

Мы допятились до ординаторской, из которой выглянул дежурный врач, молодой и симпатичный.

– Розочка, что происходит?

С ним договориться будет попроще. Я рухнула на вовремя подставленные руки мужчины и простонала:

– Мне плохо... Сердце колет и голова кружится.

– Давление, наверное, упало.

Меня уложили на диванчик, снабдили стаканом с водой и какой-то таблеткой. Я с дрожью и слезой в голосе поведала, зачем явилась в больницу на ночь глядя. Врач придерживался более либеральных взглядов, чем его подчиненная, маячившая невдалеке и неодобрительно покачивавшая головой.

– Состояние у Гольдберга очень тяжелое, я бы даже сказал, критическое. Он загружен лекарствами и сейчас спит. Но вы правильно сделали, что приехали. Успеете попрощаться.

– Надежды на выздоровление нет?

Врач помялся.

– На моей памяти были случаи, когда пациенты, стоявшие обеими ногами в могиле, выкарабкивались. Все зависит от возраста, желания выжить и судьбы.

– Папа очень любил жизнь!

– Судя по количеству жен и детей, перебивавших сегодня в нашем отделении, – усмехнулся врач, – это действительно так. Если начистоту, я бы дал вашему отцу один шанс из пяти-семи, что он будет жить.

Я искренне обрадовалась: один из пяти – не один из тысячи, поэтому я схватила и затрясла руку доброго эскулапа.

– Спасибо! Вы меня обнадежили!

– А я-то думал, наоборот, огорчу, – засмеялся врач и продолжил игривым тоном: – Вы завтра вечером чем заняты?

Пока я хлопала глазами и глупо улыбалась, ища помягче формулировку для отказа, в разговор вмешалась Розочка.

– Борь! Последнюю совесть потерял! Не слушайте его, девушка! У него жена и двое детей мал-мала меньше.

– Розка! Ну ты и... – возмутился парень. – Молчала бы, сама с хирургами хвостом крутишь, плевала на мужа...

Я поспешила встать и откланяться.

– Пойду с папой попрощаюсь... тьфу, пообщаюсь.

Даже в коридоре до меня донеслись громкие и сердитые голоса покинутых медработников, зато на этот раз никто не помешал мне проникнуть в палату к Гольдбергу.

Он лежал один, вокруг громоздилась попискивающая и посверкивающая огонечками аппаратура. Александр Самуилович, обцепленный датчиками и катетерами, выглядел маленьким и жалким. Я подошла и села рядом.

В моей груди теснились самые разные чувства и эмоции.

Я ощущала себя в какой-то степени виноватой за теперешнее состояние моего бывшего клиента. Вдруг я неправильно угадала покушавшуюся на него? Или, сконцентрировавшись на Виолетте, упустила из внимания других возможных преступников? Не слишком ли я поспешила с выводами? Поспешила закрыть «легкое дело»?

Теперь я и сама стала жертвой. И возможно, в опасности, нависшей над моей жизнью, немалую роль сыграла просьба старика выдать меня за дочь и наследницу. Значит, источник наших бед может быть один. Найду покушавшихся на «папу», сама смогу спать спокойно. Ах как жаль, что он без сознания!

– Таня...

Я вздрогнула и уставилась на бледное лицо Александра Самуиловича. Глаза его приоткрылись, губы беззвучно шевелились. Для того чтобы хоть что-то расслышать, я наклонилась над постелью.

– Да, это я, ваша самозваная дочка.

– Я знал... Ты должна была прийти...

– Как вы здесь оказались? Не напрягайтесь, я буду спрашивать, а вы односложно отвечайте.

Старик хитро прищурился.

– Я слаб, но еще жив... Когда приходили остальные... и врачи... притворялся полутрупом... Усыпить их бдительность...

– Прекрасная тактика! Но перетруждаться все же не сто-

ит. У докторов перед глазами показания техники, анализы. Вряд ли они сильно ошибаются. Итак, вы успели развестись?

– Нет, хотя Рома подготовил все бумаги...

– У вас был брачный контракт?

– Да.

– Сейчас задержка произошла из-за несогласия Виолетты?

– Я дал ей хорошего отступного... Нужна лишь ее подпись... Юридически все улажено...

– Понятно. Она где-то прячется от адвокатов?

– Да.

Опять подозрение падает на Виолетту. Убрав меня, а затем престарелого мужа, с которым не успела развестись, она вновь входит в круг наследников.

– Александр Самуилович, из-за чего у вас случился приступ? Что его спровоцировало?

– Сегодня утром мне пришло письмо... Анонимное.

– Кажется, я догадываюсь, какое у него было содержание.

– Всего три слова... «Ты скоро умрешь».

Я непроизвольно сжала кулаки. Мои догадки полностью подтвердились.

– Я собрался позвонить тебе... Не успел. В груди словно что-то взорвалось... Упал и потерял сознание.

– Где письмо?

– Не знаю. Очнулся я уже в больнице.

Откуда злоумышленники могли знать, какое действие

возымеет их послание?

– Вы до этого плохо себя чувствовали?

– Да. Поведение Виолетты меня доконало...

– Вы получаете и просматриваете почту по утрам?

– Да. Обычно около десяти...

Неувязочка: если бы Гольдберг скончался при прочтении анонимки, его состояние досталось бы мне, по мнению всех его родственников. Покушаться на меня в три часа дня бессмысленно – моей наследницей является мать, она-то и получила бы все денежки. Или я обязана была успеть официально вступить в наследование? Сложный вопрос. Надо проконсультироваться у Романа.

– Таня, – устало прошептал Гольдберг. – Найди мою женушку раньше, чем она... меня уьет.

Если это действительно она. Но отыскать ее надо будет обязательно. К Виолетте накопилось много вопросов.

– Держитесь, Александр Самуилович! Ваш доктор сказал: у вас полно шансов.

– Об оплате не беспокойся. Пришли ко мне Ромку, составим контракт...

Практичный человек. Даже при смерти думает о бумагах.

– Теперь-то я могу рассказать правду? Представиться частным сыщиком?

– Ни в коем случае! – слабо вскрикнул старик. – Тогда меня решит убрать не только жена... Наш договор остается в силе. Вы – моя единственная наследница...

– Здорово! – возмутилась я, но вовремя придержала язык. Не хватает еще проболтаться о покушении. Гольдберг может разнервничаться и отдать концы прямо у меня на руках.

– Танечка, – жалобно заныл мой «папочка». – Возможно, ты слышишь мою последнюю просьбу...

– А вдруг вы правда умрете? – бесцеремонно спросила я. – Меня ваши детки по судам затаскают.

Больной помолчал пару минут, размышляя, но вынужден был признать мою правоту.

– Ладно. Когда я умру, можешь рассекретиться. Но не раньше.

– Не нравится мне это, – проворчала я.

– Ключ от моей квартиры есть у Пети... Возьмешь, пороешься там. Где-то должно валяться злополучное письмо.

– А он мне даст ключ?

– Никуда не денется...

В палату заглянула бдительная Розочка.

– Вы тут уже целый час сидите! Должны были успеть тридцать раз попрощаться. А зачем наклонились к больному?

При первых звуках ее громоподобного голоса Гольдберг замер и закрыл глаза, став похожим на мумию Владимира Ильича в мавзолее.

– Разговариваю, – честно ответила я.

– Дышите на папаню микробами, вот заболит пневмонией, точно очочурится.

Я поправила одеяло на больном и поднялась.

– Топайте, топайте, – напутствовала меня сердитая медсестра. – В следующий раз коробку конфет захватите. – Подумала и добавила: – И банку кофе.

Я сделала вид, что не расслышала.

– До свиданья, папочка! Выздоровливай! Я скоро вернусь и порадую тебя новостями.

Глава 4

Покинуть больницу оказалось намного проще, чем проникнуть в нее. Не прошло и пяти минут, как за моей спиной захлопнулись тяжелые двери, и я осталась стоять на крыльце наедине с гнетущими мыслями и зловещей темнотой. Для того чтобы добраться до машины, мне всего лишь надо было преодолеть пятьсот метров по дорожке, петляющей между деревьями.

Клянусь, я никогда не была трусихой! Но теперь сердце сжали недобрые предчувствия и по спине пополз предательский холодок. В голову закралась мысль: не попросить ли охранников меня проводить. Но я тут же отогнала ее. Волков бояться – в лес не ходить.

Первые пять минут я шла, никем и ничем не тревожимая, затем впереди мелькнули какие-то тени, и стало ясно: сейчас начнется. Я напряглась, нащупывая одной рукой пистолет во внутреннем кармане плаща, другой – захватывая пальцами массивный бронзовый браслет, оттягивавший весь вечер мое запястье. Его можно использовать в качестве кастета.

На дорогу впереди вышли двое. Я обернулась. Сзади маячили еще трое. Признаюсь, меня наличие такого количества народа обрадовало. Справиться врукопашную хоть с пятью, хоть с пятнадцатью легче, чем с одним снайпером, хорошо знающим свое дело, то есть где притаиться и когда выстре-

лить. Тем более что габариты и телодвижения нападающих говорили об их молодости и нетрезвости.

Сделав несколько шагов в сторону, я прижалась спиной к стволу векового дуба. Мой маневр озадачил ребяток. Они тупо потоптались, переглядываясь, затем сгрудились передо мной.

– Ты, мочалка убогая, – нетвердым баском обратился ко мне главарь. – Щас мы тебя кончим!

– Да ну! – саркастически откликнулась я. – Рискните.

– Че пыжишься? Не надейся, не пожалеем. Мы не фраера какие-нибудь, мы – киллеры!

Остальные поддержали выступающего нестройным, но одобрительным гулом. Я издевательски рассмеялась.

– Че ржешь? – Главарь никак не решался отдать команду напасть – наверно, не все мозги еще пропил. – Щас кровью захлебнешься!

– Ой как страшно! – фыркнула я.

Страх действительно отпустил меня в тот момент, когда я поняла, с кем придется иметь дело. Какому идиоту пришла мысль заказать меня банде этих юных придурков? Только тому, кто ничего не знает о моей жизни и профессии, которая меня кормит. Похоже, родственнички старика Гольдберга постарались. Совсем скоро я узнаю подробности, пусть только нападут, а то мне первой драку начинать не с руки.

– Она нас на понт хочет взять! – хрипло проревел бритый наголо молокосос в «косухе». – Порежем ее!

В толпе замелькали ножи и обрезки труб.

– Заглохни, лысый! – заорал нерешительный главарь. –

Команды здесь отдаю я!

– Встать, лечь, отжаться, – откомментировала я.

– Так отдавай, – покладисто прохрипел бритоголовый.

Главарь смачно сплюнул и пробасил:

– Серый, заходи справа, Бочка – слева. Остальные – прямо. Покажем ей, на кого она пасть раззявила, пацаны!

Они двинулись на меня, а я оторвала спину от дерева и прыгнула на них. Пистолетом воспользуюсь в крайнем случае. Если не удастся скрутить их голыми руками и приструнить. Козыри всегда лучше держать про запас.

Далее события развивались следующим образом. Время для меня замедлилось, словно киноплёнка, прокручиваемая на низкой скорости, а тело начало существовать само по себе, не завися от мозга. В прыжке я ударила ногой в грудь Серого, которому посчастливилось «зайти справа», вышибив из парня дух и повалив на землю. Одновременно вскользь провела браслетом-кастетом по челюсти наступавшего рядом бритоголового. Надеюсь, обошлось без перелома основания черепа – не люблю делать людей трупами.

В результате у меня стало на два противника меньше, у оставшихся же «киллеров» в душе зародились сомнения. Я не стала выпускать из рук инициативу и дожидаться добровольной капитуляции.

Следующему противнику, бестолково размахивавшему

тридцатисантиметровым широким ножиком, я продемонстрировала распространеннейший прием искусства восточных единоборств: схватив парня за предплечье и продолжив его удар, направила его не на себя, а вниз, в землю. Когда парень по инерции чуть не уткнулся носом в мои ботинки, я нагнулась, ударила его по ногам и перекинула через себя. Бедолага пролетел около метра и со всего размаху стукнулся спиной о дуб, после чего медленно сполз по стволу и замер бесформенной кучей, безучастной к происходящему.

На меня с ревом кинулся массивный качок по прозвищу Бочка, вооруженный железной трубой и финкой. Я ушла с траектории его атаки и, резко развернувшись на девяносто градусов влево, выполнила защиту предплечьем внутрь, сразу же нанеся удар наотмашь по руке, сжимавшей нож, а другой захватила его шею, применив удушающий прием. Финку Бочка выронил, но трубой продолжал размахивать, чем сильно повредил своему бритоголовому товарищу, который слегка очухался и опять полез в драку. С моей скромной помощью лысый забияка получил сначала в глаз, затем в ухо, после чего покинул поле сражения в неизвестном направлении, выписывая ногами замысловатые кренделя. Третий удар Бочка нанес сам себе в солнечное сплетение и уселся на землю размышлять о превратностях судьбы.

Я оглянулась. На периферии маячил трусоватый главарь шайки. Заметив, что остался со мной один на один, он припустил прочь, петляя среди деревьев. Догнать его бы-

ло несложно: парень постоянно спотыкался и даже пару раз упал. Когда я положила ему руку на плечо, он затрясся, словно лист под ветром, и рухнул на колени.

– Н-не н-надо! Н-не трогайте м-меня! – тоненько проблеял он. – Я сирота!

– Растрогана. Встань, милый, поговорим.

Вставать хулиган отказался наотрез, видимо, посчитав, что на коленях выглядит жалостливее. Пришлось присесть рядом на пенечек.

– Ну, милый, рассказывай, кто вас на меня натравил?

Парень поднял грязное личико, дыхнул на меня едкой смесью курева, травки и алкогольных паров и радостно сообщил, перестав заикаться и запинаться:

– Дядя Вова!

– Кто? – опешила я.

– Дядя Вова, – охотно повторил раскаявшийся бандит. – Слесарь из больничной котельной.

Н-да... До чего дошел прогресс – слесарь заказал убийство лучшего детектива города.

– Не верю, – покачала я головой и угрожающе повертела в пальцах бронзовый браслетик.

– Мамой клянусь! – испуганно затарахтел парнишка. – Ребят спросите, не вру я! Витька, это которого вы об дуб шарахнули, его племянник родной. Он с Витькой договаривался!

Чудеса! Чем же я не угодила больничному слесарю?

– Когда вы с ним говорили?

– С час назад. Мы во дворе сидели, пиво пили. Тут подходит дядя Вова, уже поддатый хорошо, начинает трепаться, что у него дело есть для настоящих пацанов.

– И сколько же он вам заплатил?

– Сотню баксов.

– Сколько?!

– Но отдаст их только тогда, когда принесем ему ваш глаз.

Мол, у него самого таких денег нет, но скоро появятся.

Меня обидела сумма, обещанная за мое убийство. Ясно, слесарь не главный заказчик, он лишь посредник. Что за невежды за мной охотятся? Используют каких-то алкашей и малолетних обормотов в качестве киллеров, больничных слесарей в качестве связных, причем за смехотворное вознаграждение! И уверены в успехе.

– Сказал хоть, какого цвета глаз должен быть? – вяло поинтересовалась я.

– Голубой! Приказал еще обыскать, вдруг вы при себе документики носите, которые личность удостоверяют.

– Имя он тоже назвал?

– Ага, – парень старательно наморщил низкий лобик. – Иванова. Кажись, Татьяна... Или Марина? Вам лучше знать.

Идиот! Не смог запомнить, кого пошел убивать. Чем я заслужила подобное неуважение?

– Где найти дядю Вову?

– Где ж ему быть, как не в котельной? Квартиру он уже

давным-давно пропил...

– А где тут котельная?

– По дорожке прямо, затем налево... Хотите провожу?

Я с сомнением посмотрела на круглую чумазую рожу своего недавнего врага – заведет еще куда-нибудь и пырнет в спину. С другой стороны, он слишком труслив и глуп, чтобы быть опасным.

– Ладно, Сусанин, веди. Если начнешь плутать, уложу рядом с сотоварищи.

– Да я!.. Никогда! Я тут вырос.

– Охотно верю. Ты похож на лесного первобытного человека... Или обезьяну?

Парень никак не отозвался на мои оскорбительные шуточки, вскочил и рванул напрямик через кусты. Мне оставалось лишь следовать по проделанной им просеке. Скоро мы вышли на асфальтированную дорогу, обогнули основное здание больницы и закружили среди вспомогательных построек.

– Вот. Дошли.

Мой спутник показал пальцем на приземистое строение с огромной трубой, подбежал к железной двери и задолбил в нее ногой. Минут через десять он устал и переключился на маленькие зарешеченные оконца. Долбил в них палкой и орал:

– Дядя Вова! Открой! Это я, Пашка Гнусов! Я тебе глаз принес!

Ответом ему была гробовая тишина. Мне она очень не понравилась. От посредников принято избавляться. Дверь мне не вышибить, в окно не залезть... Надо звать подмогу.

Подмога явилась, точнее, приковыляла сама в виде двух держащихся друг за друга стариканов бомжеского типа. От них за версту несло спиртом, но мыслительные способности, как ни странно, сохранились.

– Вовке денегат обломилось, – выдал один из «сладкой парочки», одетый в тельняшку. – И водочки.

– Он начал ее пробовать, а потом усовестился, нас позвал, – поддержал второй. – Но с условием: закуси прикупить и еще выпивки, а то ему самому мало.

– Кто ему дал деньги?

Собутыльники дружно пожали плечами.

– Не сказал...

– Он нам не открывает! – пожаловался Пашка Гнусов.

– Не должен был еще отрубиться, – удивился «матрос».

– На всякую дверь можно найти отпиралочку, – хихикнул второй и нетвердым шагом направился к двери. Последовало несколько странных пассов руками – и дверь с душераздирающим скрипом открылась.

Дядю Вову мы нашли под столом. Никаких признаков жизни! Из рта тянулась тоненькая струйка слюны, глаза закатились.

– Ой! – взвизгнул неудавшийся киллер. – Отравили!

– Типун тебе на язык, – пробормотал «матрос» и с размаху

пнул бесчувственное тело.

Тело пошевелилось и застонало.

– Жив, курилка! – радостно завопил отпиратель двери.

– Ничего здесь не трогайте, – распорядилась я и, повернувшись к Пашке, приказала: – Немедленно вызови милицию и «Скорую»... Хотя здесь же больница... Беги к охране, пусть найдут дежурного врача, каталку и так далее.

Парень бросился вон. Стариканы-алкоголики попятились к двери, но я их остановила.

– Куда это вы собрались? Стойте на месте, нам всем придется давать показания. Неприятно, но никуда не денешься.

– Мы ничего не знаем! – На минутку зашли! – заартачились собутыльники.

Не хватало мне еще за ними на ночь глядя по парку гоняться! Придется проявить хитрость.

– Не дай бог, дядя Вова все же умрет, – предположила я и продолжила со скрытой угрозой: – Вы оба становитесь главными свидетелями, а то и подозреваемыми. Кто подтвердит ваш рассказ о таинственном благодетеле?

Стариканы переглянулись, а я усилила напор:

– Если вы сейчас сбежите, это наведет следствие на соответствующие выводы. Сами понимаете какие.

– Мы всегда готовы помочь нашей любимой милиции, – со слезой в голосе произнес «матрос».

Второй, специалист по открыванию дверей, пребывал в тяжких сомнениях, но удирать не спешил, прикидывал все

плюсы и минусы своей незапланированной встречи с органами правосудия.

Топоча армейскими ботинками, появились охранники. За ними семенила худенькая седая женщина – дежурный доктор приемного отделения. Она деловито отодвинула меня и пролезла под стол, на ходу доставая из кармана шприц с уже набранным лекарством.

– Держись, дядя Вова, спасем... – приговаривала она.

– Вы его знаете? – удивилась я.

– Сколько лет бок о бок работаем, – усмехнулась врач. – Старожилы. Эй! Подавайте носилки.

– Куда вы его?

– В реанимацию, куда же еще.

– Но он выживет?

Врач поднялась с колен и устало потерла тонкими пальцами виски.

– Не знаю. Сейчас он в коме. Найди вы его чуть попозже, точно бы умер. А теперь, может, и поправится. Его организм привык к всевозможной отраве, нормального человека лечить бы не понадобилось.

– Почему вы так думаете?

– Потому что догадываюсь, какую дрянь он выпил, – врач кивнула на опрокинутую бутылку водки, из которой вытекла небольшая лужица. – Характерный запах, не так ли?

Я склонилась над столом. Запах резкий, но где я уже сталкивалась с ним?

– Формалин, – развеяла мои сомнения врач. – Только луженый желудок дяди Вовы мог выдержать почти пол-литра этой непитьевой жидкости.

Я тут же вспомнила, что Виолетта пыталась учиться в институте и у нее могли сохраниться знакомые, имеющие доступ к консервирующим растворам, в частности, к формалину, хотя его не так уж сложно достать любому человеку, даже далекому от медицины.

Несчастливого слесаря погрузили на носилки и унесли. За нами остался присматривать один из охранников. Я вышла на свежий воздух и закурила. Внезапно запищал сотовый. Уж не заказчики ли моей гибели звонят – удостовериться, жива я или нет? Надо их разочаровать.

– Алло!

– Татьяна! Ты забыла о нашем разговоре? – В голосе Романа слышалась плохо сдерживаемая обида. – Я жду тебя без малого час!

– Ой! – Я совсем забыла, что мы должны были встретиться у меня в семь, но не признаваться же в этом! – У меня появилась уважительная причина...

– Я не хотел звонить раньше, мало ли чем ты занята, не хотел мешать. Надеюсь, ты мне позвонишь, извинишься, попросишь отложить встречу...

Он был прав, но мне не понравился тон, которым излагались претензии. В конце концов, я ему не жена! Слова не дает вставить.

– Стою под твоими окнами, как идиот! Цветочки завяли, тортик помялся...

– Рома! – Мне еле удалось вклинитья между двумя его фразами. – Меня пытались убить!

Он замолчал. Потом недовольно произнес:

– Не шути так!

– Я не шучу. На меня напала банда подвыпивших подростков, когда я возвращалась от папы через больничный парк.

– О боже! – запоздало испугался мой кавалер. – С тобой все в порядке? Я немедленно еду! Ты где? Они ответят за каждую царапинку!

Переждав поток эмоций, я добавила:

– Приезжай, милый. Найдешь меня рядом с котельной. Адвокат мне может понадобиться.

Не уточнила для чего – отбиваться от подозрений в организации убийства слесаря или от обвинения в членовредительстве четырех несовершеннолетних мальчишек.

Посмотрела на хлюпающего носом Пашку Гнусова. Он не производил впечатления опасного бандита, нанятого для убийства беззащитной девушки. Суд меня не оправдает.

Глава 5

Милиция явилась почти одновременно с Романом, поэтому мне не удалось переброситься с ним ни словечком. Ничего не понимающий парень хотел вмешаться, но его попросили подождать в сторонке. Мне повезло: и оперуполномоченный, и следователь оказались моими хорошими знакомыми.

– Вай, какие люди! – воскликнул Гарик Папазян, разглядев в темноте мое личико. – Тысячу лет не виделись и вот нашли время и место!

– Гарик, можно меня отпустить побыстрее, – захотела я воспользоваться «блатом». – Я еще не ужинала.

– В чем проблема? Закончим тут и поедem в ресторан!

– Во-первых, ты на работе, а во-вторых, меня ждут.

– Ну, тогда придется потерпеть до утра.

Шутливую угрозу Папазян не исполнил, меня освободили сравнительно скоро. Записали мою правдивую версию событий сегодняшнего вечера, включая посещение клиента в больнице и нападение на меня в парке.

– Все ясно. Преступники убрали слесаря как промежуточное звено, – вынес заключение следователь. – Опять с наркомафией не поладила?

Я загадочно улыбнулась.

– Знаю, знаю. Конфиденциальность расследования и прочая мура. Одно хорошо – через неделю дело можно будет за-

крывать, ты откопаешь тех, кто на тебя, а заодно и на слесаря руку поднял. Звони, заберем тепленькими.

– И ты звони, если дядя Вова вдруг оклемается и заговорит.

– По рукам.

После заключения договора о сотрудничестве я отправилась к заскучавшему Роману.

– Неудачный у меня день: только и делаю, что жду тебя, – с досадой проговорил адвокат.

– А у меня сегодня сплошные удачи, – усмехнулась я. – Дважды избежала смерти.

– Дважды? – ахнул Роман.

– Угу. Ты где оставил машину?

– У главного корпуса больницы... – растерянно проговорил он, но тут же опомнился: – Ты расскажешь, что произошло?

– Обязательно. Но сначала ты пригласишь меня поужинать. Моя машина пусть пока пылится на стоянке.

Честно говоря, мне просто не хотелось оставаться одной. Мало ли какие безумные идеи рождаются в мозгу моих недоброжелателей. Они, безусловно, за мной следят. Возможно, заметив, что меня сопровождает нехилый молодой человек, отложат уничтожение на завтра.

По дороге я поведала Роману историю об упавшем кирпиче. Он чуть было не врезался в машину с гаишниками. К счастью, они куда-то спешили, и нервный водитель отделал-

ся лишь килограммом отборного мата. После этого эпизода я отказалась продолжать, сославшись на то, что последующие мои приключения намного страшнее.

– Может, кирпич сам по себе упал? – от нечего делать принялся рассуждать Роман. – От ветра, например.

– Ветра не было, – отрезала я. – К тому же тогда на меня свалилась бы, кроме кирпича, груды прочего мусора, пыли и птичьего помета. Извини за прозаичность. Когда я залезла на крышу, там никаких признаков урагана не отыскалось. Весь хлам преспокойно лежал на своих местах со дня постройки дома, а одному кирпичику отчего-то захотелось полетать!

– Зачем ты туда полезла? – удивился парень. – Как тебе такое в голову... пришло?

– Взбрело, ты хотел сказать? Ты забываешь о моей профессии. Мне сам бог велел лазить по крышам.

Рома как-то странно посмотрел на меня.

– Я думал, ты работаешь в какой-то юридической конторе, а не в гильдии трубочистов.

Я рассмеялась.

– Ты почти правильно подумал: я работаю в детективном агентстве.

– Вот-вот, – перебил он меня. – Я же помню! На машинке печатаешь... Или нет, документы оформляешь.

– Ага, угадал. Я – секретарь, нотариус, консультант и директор в одном лице. А также полевой агент, которого бросают в различные «горячие точки».

Роман помолчал, потом почему-то стал извиняться.

– Прости, я плохо слушал, когда ты рассказывала о себе. Я – самонадеянный ограниченный эгоист! Прости меня, Танечка! Обещаю исправиться.

Как же, усмехнулась я про себя, исправишься ты. Но вслух сообщила, что прощу его при условии сытного ужина и приятного вечера, которые заставят меня забыть обо всех неприятностях.

Мы нашли уют в небольшом ресторанчике с очаровательным названием «Китайский колокольчик». При желании здесь можно было заказать экстравагантные восточные блюда, а если желания не было, предлагалось классическое меню: курица гриль и картофель фри. Роман выбрал промежуточный вариант – салаты и соусы восточные, а основные блюда европейские.

Мы поели, выпили немного вина, и только когда подали десерт, я поведала своему другу сильно сокращенный вариант событий в больничном парке.

– Ты одна справилась с пятью хулиганами?! – не поверил своим ушам Роман.

– С четырьмя, – честно поправила его я. – Пятый сдался без боя.

– Потрясающе! – Он оторвался от орехового мороженого и воззрился на меня с искренним восхищением, но тут же отвлекся на подошедшего официанта. – Вторую порцию вот этого... э... «си луна», пожалуйста.

А ведь обещал исправиться!

– Знаешь, Танечка, со мной в десятом классе произошел подобный случай. Шли мы как-то с приятелем...

Следующие полчаса говорил исключительно Роман. Я вежливо слушала, время от времени подавая нейтральные реплики. Мысли мои витали далеко, в основном вокруг моих новоиспеченных родственничков. Завтра надо обязательно их навестить. Какой бы предлог выдумать? Болезнь нашего «отца»? Но они наверняка скажут, что это и по телефону можно обсудить...

Потом я подумала о моей «мачехе». Она великолепно подходила на роль преступницы. Да и мотив есть: завладеть деньгами мужа. И причина для активных действий налицо: надвигающийся развод. Плюс эмоциональный фактор: ненависть ко мне – ее разоблачительнице. Плюс она не в курсе моей специальности, поэтому и отнеслась к моему устранению несерьезно, но попыток не оставит... Да, все факты указывают на Виолетту.

Но прочих наследников – деток Александра Самуиловича и их супругов – тоже со счетов скидывать нельзя. Мне не раз приходилось наблюдать, как преданнейшая любовь к родителям на поверку оказывалась фальшью и лицемерием. Тем более, насколько я помню по предыдущему расследованию, Петр и Анна нуждались в финансовом плане. У Льва вроде бы дела шли неплохо, но ручаться за его моральную чистоту я бы не стала. Одно несомненно: старик Гольдберг сейчас в

относительной безопасности. Поэтому сначала попытаются убрать меня, а уж затем примутся за него.

– Танечка, ты не хочешь потанцевать?

Несмотря на восточный антураж, музыка звучала популярная, англоязычных авторов. В данный момент Крис де Бург тосковал по леди в красном. Я не могла отказать себе в удовольствии и приняла приглашение. Мы покачивались в такт нежной мелодии несколько минут, затем мой кавалер прошептал:

– Можно я провожу тебя до дома?

Тонкий намек, что пора и честь знать? Я кивнула.

– А до кровати?

Учитывая убийц, притаившихся за каждым углом, я была рада такому предложению. А может, и не только поэтому...

– Назначаю тебя телохранителем! – улыбнулась я. – Придется припомнить навыки десятилетней давности, когда ты расшвыривал негодяев одной левой.

– Так ты меня слушала? – иронично поддел меня Роман.

– Нет, но примерно поняла, о чем шла речь.

До дома мы добрались без приключений. Наверное, рабочий день у злоумышленников закончился, а может быть, их спугнул мой сопровождающий. Рядом с ним я чувствовала себя значительно увереннее и непроизвольно расслабилась.

Рома не рискнул оставить свою «Тойоту» в моем дворе без присмотра на ночь. Пока он пристраивал ее на стоянку, я топталась возле крыльца. Вышла соседка из нижней квар-

тиры, ведя на поводке веселого лохматого пуделька.

– Татьяна? Ты что тут мерзнешь?

Мне и правда стало очень зябко в своем твидовом костюмчике и шелковой блузке. Одевалась я из расчета вернуться домой пораньше, желательно днем, а не ночью.

– Жду.

– Так жди дома, – разумно заметила женщина и добавила проницательно: – Им красные носы не нравятся.

Я мысленно с ней согласилась, тем более что Рома знает номер моей квартиры, уже бывал в гостях. Но меня останавливала необходимость заходить в темноту подъезда одной. Соседка развеяла мои сомнения.

– Хулиганов не бойся. Мы с Пусиком даже кошек всех в подвал прогнали. Да, лифт не работает... Но тебе ведь невысоко подниматься.

Я последовала совету соседки и пошла домой. На лестнице царили полумрак, тишина и пустота. Вот и мой этаж...

Но по неизвестной причине ноги мои вдруг стремительно взмыли в воздух, и я кубарем покатила вниз по ступенькам. На этот раз меня спасло умение вовремя расслабиться и правильно падать. Спасло, конечно, относительно: костей я не переломала, но синяков и ссадин заработала миллион. Напоследок я слегка тюкнулась головой о стену и даже отключилась на несколько мгновений.

– Таня!

Ко мне спешил озабоченный Роман. Я села, постанывая и

ощупывая себя.

– Что случилось?

Он помог мне встать и отряхнуться.

– Я видел, как ты зашла в подъезд, не дождалась меня. Забежал следом, хотел позвать, а тут слышу такой грохот! У меня аж сердце остановилось.

Он неисправим: слова не дает вставить. Сердце у него, видите ли, остановилось! Я сама только что еле-еле остановилась, когда катиться дальше некуда стало.

– Не знаю... Шла, никого не трогала, поскользнулась, упала, потеряла сознание, очнулась...

– Гипс, – глупо пошутил парень.

– Ступеньки чем-то намазаны. – Присмотревшись, я заметила их неестественный блеск. – Давай осторожно поднимемся.

Мы поковыляли вверх, держась друг за друга, за перила и стенку. Три верхние ступеньки кто-то не скупясь полил подсолнечным маслом. Причем сделано это безобразия было совсем недавно: с третьей ступеньки на четвертую еще медленно скатывались тяжелые капли масла, образовав небольшую лужицу. На второй красовался слегка смазанный отпечаток моего ботинка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.